

ПРИНЦИПЫ МЕТАФИЗИКИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

DOI: 10.22363/2224-7580-2025-4-92-102

EDN: MYZSYX

МЕТАФИЗИКА ТРАНЗИЕНЦИИ: К ОНТОЛОГИИ ВНУТРЕННЕЙ ИНВОЛЮЦИИ И МИМИКРИЧЕСКОГО ВЫБОРА

А.В. Марков¹, О.А. Штайн²

*¹Российский государственный гуманитарный университет
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6*

*²Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19*

Аннотация. В статье предлагается радикальная ревизия традиционной метафизики субстанции, основанной на аристотелевском понятии неизменной природы. Вводятся и обосновываются ключевые концепты: «до-онтологический хаос-потенциал», «энергийный импульс», «диа-логос», «циркумтекст», «агрегат-событие» и «внутренняя инволюция». Показано, что устойчивые онтологические порядки («стазис-конstellации») являются вторичными и производными от фундаментальной динамики становления.

Ключевые слова: процессуальная онтология, мимикрическая поэтика, миметический порядок, темная метафизика, энергия, алетейя, пунктум, природа, становление, самоизменение, волевое ядро

Введение

Современная философия, преодолевая наследие классического субстанциализма, все чаще обращается к моделям, описывающим реальность как процесс, поток или сеть отношений. Однако даже в рамках многих несубстанциальных онтологий сохраняется неявное допущение о некоем фундаментальном порядке, будь то структура, система или набор универсальных законов, которым подчиняется становление. Наша статья ставит своей целью преодоление этого остаточного детерминизма через разработку метафизики, где способность к волевому самоизменению является не производным свойством, а первичным онтологическим актом. Мы утверждаем, что природа

вещи не предшествует ее существованию, а постоянно *переизобретается* ею самой в процессе, названном нами «внутренней инволюцией».

Наша гипотеза состоит в том, что устойчивые онтологические режимы – это временные замедления, «застывшие созвездия» в более фундаментальном потоке транзиекции. Для ее обоснования мы синтезируем пять, казалось бы, разнородных философских линий. От Уайтхеда [1] мы заимствуем идею о приключениях «идей» (actual occasions) как первичных единиц реальности, но радикализируем ее, отрицая любую предустановленную телеологию. Гуссерлевский «жизненный мир» [2] понимается нами не как горизонт смысла, а как указание на доонтологический пласт опыта, из которого все порядки возникают. Диалогизм Бубера [3] и Бахтина [4] предоставляет модель реляционной онтологии, где бытие конституируется в отношении «Я-Ты» или в диалоге, которую мы расширяем до уровня доонтологического «диа-логос». Темная метафизика Ника Ланда [5. С. 70] позволяет мыслить онтологию как машинный, имманентный и не-телеологический процесс. Наконец, интерпретация Бибихиным [6. С. 87–90] аристотелевской энергии как первоначала позволяет переосмыслить соотношение потенциального и актуального, выводя на первый план момент события, а не его субстрат.

В статье последовательно разворачивается система шести взаимосвязанных тезисов, образующих каркас новой метафизики. Каждый тезис подкрепляется аргументацией, предвосхищает возможные возражения и демонстрирует свою эвристическую ценность для преодоления тупиков классической онтологии.

Материалы и методы

Методологической основой нашего исследования является конструктивный синтез, направленный не на эклектическое смешение, а на порождение новой концептуальной системы, чья объяснительная сила превосходит сумму ее частей. Мы применяем метод «спекулятивного конструирования», аналогичный проектам Квентина Мейясу [7] и Рэя Брасье [8], но с фокусом на имманентной воле к изменению. Каждый из привлекаемых источников подвергается стратегической реинтерпретации.

От Уайтхеда [1] мы берем не столько всю его сложную космологию, сколько базовый импульс: отказ от «fallacy of misplaced concreteness» и утверждение события как фундаментальной единицы реальности. Однако мы отвергаем его концепцию «вечных объектов» и божественную телеологию как формы предустановленного порядка. Наша модель – это уайтхедианство без Бога и вечных объектов, где «схватывание» (prehension) направлено не на стабильные сущности, а на другие, такие же нестабильные энергийные импульсы.

От Гуссерля [2] мы используем ход к «жизненному миру» (Lebenswelt) как к до-предикативному основанию. Но если для Гуссерля это был путь к обоснованию объективности наук, для нас это трамплин в противоположную сторону – в «до-онтологическое». Мы «выворачиваем» гуссерлевскую

редукцию: это не эпохé ради выявления чистого сознания, а методическое погружение в хаотический, дологический поток, предшествующий конституированию каких-либо объектов. Этот подход находит отклик в работах позднего Мерло-Понти [9] о «плоти мира» (*chair du monde*) и в спекуляциях о «корреляционизме» у Мейясу [7. С. 32–35].

Диалогизм Бубера [3] («Я-Ты») и Бахтина [4] (диалогичность сознания) используется для преодоления монизма любой ценой. Их интуиция о том, что бытие рождается «между», становится у нас онтологическим принципом. Однако мы переносим диалог из межличностной или языковой сферы в саму сердцевину становления, на уровень до возникновения устойчивых «Я». «Диа-логос» – это не разговор, а онтологический механизм сборки.

Темная метафизика Ланда [5] с ее акцентом на «геологическом» времени, нечеловеческой агентности и машинной дезорганизации предоставляет инструменты для демистификации «волевого ядра». Это не романтическая «воля» Шопенгауэра, а имманентная, слепая, но целенаправленная тяга к актуализации и диссипации, схожая с «телом без органов» Делеза и Гваттари [10].

Чтение В.В. Библихиным [6. С. 57] Аристотеля позволяет нам перешагнуть через гилеморфизм. Концепции «Леса» и «Энергии» у Библихина представляют собой радикальную попытку помыслить бытие в его до-онтологическом, не-объективированном измерении. «Лес» – это не совокупность деревьев-субстанций, а метафора изначальной, густой и неразличимой событийности, гилетической ткани реальности, где пути еще не проложены и значения не закреплены. Это пространство «внутренней внешности», где бытие дано не как набор готовых сущностей, а как бесконечная возможность путей, как «стыдливая» материальность, уклоняющаяся от однозначного схватывания. Неразрывно с этим связана его трактовка «Энергии», восходящая к аристотелевскому различению, но вывернутая имманентно. Для Библихина энергия – это не просто осуществленность потенции, но и сам первичный акт явленности, «работа» бытия, предшествующая разделению на материю и форму. Энергия – это то, чем бытие «играет» и «живет» изнутри себя, до всякой объективации; это динамический *прото*логос гилетического Леса, его самораскрытие как события, а не как предмета. Если энергия и материя – не противоположности, а два способа явленности первофеномена, то мы можем мыслить «энергийный импульс» как нечто, что несет в себе собственную «материальность» как потенциал к оформлению, но не детерминированное извне.

Мы последовательно различаем мимикрическое и миметическое. Мимикрическое – доутробное, шаманское, позволяющее выбирать природу, энергийное и гилетическое (лес в смысле Библихина [6]), стыдливое, связанное с пунктумом, по Ролану Барту [11], но выворачивающее его в первичное до-онтологическое состояние. Миметическое – уже область родовидовой неизменности природы в аристотелизме, диалога, столкновения, оформления по грамматическим правилам (предикация), стасиса (ситуативности, которая уже оформлена, в отличие от мимикрической открытой ситуативности,

открытости, алетей в смысле Хайдеггера [12]), миметического соперничества (по Рене Жирану [13]), студиума, по Ролану Барту [11].

Именно в этом гилетически-энергичном ключе следует понимать противопоставление миметической и мимикрической поэтики, предложенное философом Татьяной Вячеславовной Ковалевской в ее недавней книге [14]. Ее тезис состоит в том, что диалогизм М.М. Бахтина [4], при всей его революционности, остается целиком внутри миметического порядка – порядка уже оформленных, самосознающих голосов, сталкивающихся в большом диалоге. Этот диалог, если продолжать мысль Ковалевской, разворачивается в пространстве «студиума» (в терминах Ролана Барта [11]) – области культурных кодов, идеологий и устойчивых позиций, иначе говоря, в поле «стасиса» – оформленной и стабилизированной, хотя и непредсказуемой ситуации. Бахтин анализирует уже рожденные, кристаллизовавшиеся сознания, их полифоническое взаимодействие по установленным правилам языковой и смысловой игры. Таким образом, его модель описывает онтологию уже состоявшегося бытия, где природа голоса и его позиция в диалоге в целом неизменна.

Ковалевская [14] противопоставила миметическую поэтику Достоевского, которая соответствует диалогизму, хронотопу, полифонии и другим тезисам Бахтина, и мимикрическую поэтику, где «поле битвы – сердца людей». То есть где герой как бы выбирает себе природу, не обладая еще природой, выбирает быть Богом или дьяволом, или Бог или дьявол выбирает быть им, потому что еще сохраняется онтологическая неопределенность. Бог и дьявол мимикрируют, как бы стилизуют себя под душу человека, и тем самым и позволяют человеку впервые подслушать бытие и в конце концов обожиться. Таким образом, Ковалевская утверждает, что подлинное открытие Достоевского лежит глубже, чем считал Бахтин, – в сфере мимикрической поэтики, соответствующей в нашей системе «пунктуму» (Ролан Барт [11. С. 49–55]) и «алетей» (Хайдеггер [12. С. 250]). «Пунктум» здесь – не просто ранимая деталь, а точка онтологической неопределенности, прорыв до-онтологического Гилетического Леса в налаженный миметический порядок. Это точка, где сама природа человека, его фундаментальная экзистенция, еще не выбрана и является полем битвы безличных энергий. Это диалог не сознаний, а самих возможностей бытия, их мимикрического «подлаживания» под еще не сформированную душу. Такой процесс есть «алетейя» – не-сокрытость как изначальная открытость, зияние, в котором только и может состояться подлинное событие выбора себя. Поэтому миметический диалог (Бахтин) – это диалог в мире, а мимикрический (Достоевский/Ковалевская) – это диалог о самом мире, вернее, диалог, который этот мир изнутри порождает.

Итак, наш метод – это не историко-философский анализ, а системное моделирование, где традиционные концепции становятся строительными блоками для новой, более адекватной, как мы полагаем, онтологической модели.

Результаты: система метафизики транзиенции

1. Исходный пункт – До-онтологический Хаос-потенциал

Первичной реальностью является не бытие, а то, что мы называем До-онтологическим Хаос-потенциалом. Этот термин обозначает не хаос как беспорядок относительно порядка, а абсолютно первичное состояние, где нет различения на возможное и действительное, материю и форму, субъект и объект. Это аналог апейрона Анаксимандра или «Хоры» у Платона в «Тимее», но лишенный всякой отсылки к трансцендентному образцу. Это чистая, недифференцированная продуктивность. Возражение, что такой постулат делает философию невозможной, так как не о чем говорить, предвосхищается указанием на то, что сама философия и любой акт мышления являются производными актуализациями из этого Хаос-потенциала. Мы не можем «познать» его непосредственно, но можем проследить его следы в неуловимых, маргинальных аспектах опыта: в моменте творческого озарения до его концептуализации, в аффективном напряжении, в сновидческой логике. Современная квантовая физика, с ее концепцией виртуальных частиц и квантового вакуума как «кипящего» моря энергии, предоставляет научную метафору, созвучную нашей модели. Хаос-потенциал – это не ничто, а избыток возможностей бытия, которые еще не вступили в силу.

Эвристическую мощь этой категории раскрывает обращение к учению Владимира Библихина [6] о «гилетическом разуме» и «лесе». Для Библихина «гилетическое» (от греч. *hyle*, материя) – это не инертная субстанция, ожидающая оформления, а живая, избыточная, «стыдливая» плотность самого бытия, его до-предикативная ткань. «Лес» как метафора означает здесь не собрание готовых деревьев-субстанций, а густую, переплетенную среду возможностей, где пути еще не проложены. Это и есть наш Хаос-потенциал: не пустота, а предельная насыщенность, «материя» как чистая производительность.

Именно на этом гилетическом фоне обретает свой смысл «мимикрическая поэтика» Достоевского, описанная Татьяной Ковалевской [14]. Если бахтинский диалогизм [4] разворачивается в уже оформленном мире позиций (миметический порядок), то мимикрия, по Ковалевской, возможна лишь в ситуации онтологической неопределенности, когда природа героя еще не выбрана. Гилетический Хаос-потенциал и является тем самым полем, где «поле битвы – сердца людей». Борьба эта возможна потому, что само «сердце» человека как Агрегат-Событие пребывает в до-онтологическом, гилетическом состоянии, еще не будучи определенным как «доброе» или «злое».

Таким образом, Хаос-потенциал – это не абстрактный постулат, а гилетическая основа всякого мимезиса, условие возможности мимикрии. Он представляет собой фундаментальную «открытую ситуативность» (*aletheia*) [12], в противовес замкнутым «стасисам» миметического мира. Все последующие онтологические построения оказываются не более чем временными стабилизациями этой изначальной, материальной бездны возможностей.

2. Движущая сила – Энергичный Импульс

Актуализация происходит через возникновение Энергичных Импульсов. Это не субстанциальные частицы, а кванты события, «всплески» Хаос-потенциала. Каждый импульс обладает «волевым ядром» – имманентной направленностью к актуализации, к выходу из состояния чистой потенциальности. Здесь мы радикально переосмысливаем аристотелевский дуализм потенции (*dynamis*) и энергии (*energeia*). У Аристотеля потенция принадлежит субстанции (например, мрамор имеет потенциал стать статуей). В нашей модели Энергичный Импульс есть сама потенция, ставшая активным началом. Он не нуждается во внешней причине (в виде формы), чтобы актуализироваться; его собственная природа – это стремление к актуализации. Это созвучно «воле к власти» у Ницше, понятой не как психологический, а как онтологический принцип. Возражение о произвольности введения «волевого ядра» снимается его не-антропоморфным характером. Это не сознательная воля, а безличная, «темная» тяга, аналогичная стремлению физической системы к состоянию с меньшей энергией, но обогащенная внутренней нестабильностью, не позволяющей ей надолго в нем закрепиться.

Если Хаос-потенциал представляет собой статичное поле гилетических возможностей, то механизмом его актуализации выступает Энергичный Импульс. Это не субстанция, а квант события, «всплеск» имманентной воли к оформлению, берущий начало в самой сердцевине гилетического. Каждый такой Импульс обладает «волевым ядром» – имманентной направленностью к выходу из состояния чистой потенциальности. Мы настаиваем на пересмотре аристотелевской дихотомии: здесь сама потенция, понятая библихински [6] как энергия, становится активным началом.

В контексте поэтики Достоевского эти Энергичные Импульсы и есть те самые «Бог» и «дьявол», борющиеся за душу человека. Однако, в свете метафизики транзиекции, это не готовые трансцендентные сущности, а имманентные, до-онтологические тяготения. Их способ бытия – это мимикрия, описанная Ковалевской [14]. Они не предъявляют себя в готовой догматической форме (что было бы миметическим копированием некоего образца), а «стилизуют» себя, подстраиваются под внутренний, еще не сложившийся мир личности. Энергичный Импульс – это соблазн, искушение определенной формой бытия, исходящее из самой гущи гилетического леса.

Этот процесс фундаментально отличен от миметического соперничества по Рене Жирану [13]. Жирановское желание всегда опосредовано Другим – соперником. Желание же, рождаемое Энергичным Импульсом, является первичным, до-опосредованным. Оно не направлено на объект, а стремится стать объектом, обрести плоть в акте выбора. Таким образом, «волевое ядро» Импульса – это и есть движущая сила мимикрии: не сознательная воля субъекта, а безличная сила, завлекающая субъекта в процесс *самотворения*, предлагающая ему «подслушать» ту или иную возможность бытия.

3. Механизм актуализации – Диа-логос и Циркумтекст

Процесс сборки из Энергийных Импульсов происходит через Диа-логос – доонтологический диалог. Это не бахтинский диалог голосов с устоявшимися позициями [4], который относится к миметическому порядку. Диа-логос – это диалог-искушение, диалог-обольщение, происходящий в гилетической толще. В нем сталкиваются мимикрирующие Импульсы, каждый из которых пытается «договориться» с другими, чтобы создать коалицию и выйти на сцену бытия. Это диалог до появления грамматики, происходящий на уровне аффективной убежденности, того, что можно назвать подслушиванием бытия, объединяя подход Хайдеггера и Ковалевской.

Этот процесс разворачивается внутри Циркумтекста – доонтологического контекста. В миметической поэтике контекст стабилен (исторический, культурный). В мимикрической – циркумтекст и есть то самое «поле битвы», сердце человека, понимаемое как точка максимальной онтологической неопределенности. Это и есть «открытая ситуативность» (aletheia) [12], зияние, в которое являются мимикрирующие силы. Циркумтекст динамичен: он формируется самими Импульсами и постоянно меняется под влиянием их Диа-логос.

Противопоставление здесь очевидно: миметический диалог (Бахтин [4]) разворачивается в рамках «стасиса» – оформленной, предикативной (в аристотелевском смысле) ситуации с ясными правилами. Мимикрический Диа-логос происходит до «стасиса», в момент его возникновения из гилетического хаоса. Циркумтекст – это лаборатория, где рождаются сами правила будущего миметического порядка, где впервые решается, по каким законам будет жить душа.

В отличие от стабильного культурного или языкового контекста Циркумтекст – это текучее, динамичное силовое поле, образуемое самими Энергийными Импульсами. Это совокупность «правил игры» для данного момента становления, которая сама постоянно меняется под влиянием происходящего в ней Диа-логос. Таким образом, нет внешнего, надисторического закона; закон имманентен процессу и постоянно переписывается им.

4. Тезис: Рождение вещи – Агрегат-Событие

Результатом успешного Диа-логос является Агрегат-Событие. Это наша замена аристотелевской субстанции с ее неизменной сущностью. Агрегат-Событие – это временный, динамичный узел стабильности, «замороженная» на время связь Энергийных Импульсов. В антропологическом измерении это момент, когда герой Достоевского, пройдя через горнило мимикрической борьбы, «выбирает себе природу». Он аналогичен «actual occasion» Уайтхеда [1], но с важным отличием: его «удовлетворение» (satisfaction) не является конечным. Агрегат-Событие обладает лишь относительной и временной целостностью. Его «природа» – это не внутренний закон, а текущий режим отношений между его составляющими импульсами.

Именно здесь происходит переход от мимикрического к миметическому. То, что было энергичным, стыдливым и открытым (гилетическое), теперь оформляется в черты характера, мировоззрение, социальную роль – то есть в набор предикатов миметического порядка. Агрегат-Событие обретает «грамматику», входит в мир миметического соперничества (Жирар [13]), где сталкиваются уже оформленные природы. Однако его подлинная онтология кроется не в этой миметической оболочке, а в мимикрическом событии выбора, которое его породило.

Этот Агрегат несет в себе память о своем происхождении – шрам гилетического выбора, который проявляется как внутренняя трещина, нестабильность. Эта память и есть залог его способности к дальнейшей трансформации. «Стыд» гилетического леса сменяется «стыдом» персонажа Достоевского перед самим собой – стыдом как ощущением несовпадения с собственной, раз и навсегда данной, миметической маской.

Любой объект – от электрона до человеческого «Я» и социального института – понимается как сложный, вложенный Агрегат-Событие, находящийся в постоянном внутреннем движении. Эта модель позволяет избежать как редуccionизма (сводящего все к простейшим элементам), так и холизма (утверждающего примат целого), поскольку целое здесь – это не более чем интенсивная, но преходящая фаза в диалоге частей.

5. Ключевой процесс – Внутренняя Инволюция

Ключевой тезис нашей метафизики – способность Агрегата-События к Внутренней Инволюции. Это целенаправленный (хотя и не обязательно осознанный) процесс само-сворачивания, инициируемый его «волевым ядром». Агрегат, сталкиваясь с внутренним противоречием, внешним сопротивлением Циркумтекста или просто исчерпав свои возможности развития, не просто разрушается, а активно «закатывается» внутрь себя. Он не возвращается в изначальный Хаос-потенциал, но входит в состояние «наведенного хаоса», неся в себе память о предыдущей актуализации (аналог «памяти» в физическом вакууме или морфогенетических полях Руперта Шелдрейка [15]).

Если говорить в терминах Ковалевской [14], это момент, когда в сердце человека снова сходит «поле битвы», когда «Бог и дьявол» вновь начинают свою мимикрическую борьбу. Оформленная «природа» ставится под вопрос, и индивид получает шанс заново, из состояния «стыдливой» открытости, «подслушать бытие» и выбрать иную сущность. Это «распаковка» ранее замороженной мимикрии, выход из миметического стасиса обратно в мимикрическую алетейю. Это новое надевание маски.

Затем он запускает новый цикл Диа-логос, на этот раз прежде всего с самим собой как с потенциалом, внутри нового, им же порождаемого Циркумтекста. Результатом является его пересборка в новом качестве. Это объясняет как эволюцию видов (не через слепой отбор, а через имманентную тягу организмов к само-преодолению, что созвучно идеям Бергсона), так и творческие озарения, и радикальные сдвиги в социальных системах.

Такой процесс является травматичным, ибо возвращает к «пунктуму» [11] доонтологического, но именно он лежит в основе подлинного творчества, метаноии (духовного перерождения у Достоевского) и любых форм радикальной эволюции. Инволюция – это онтологический механизм, объясняющий, как возможен разрыв с миметическим порядком и рождение принципиально новой природы из недр гилетического хаоса.

6. Новый онтологический режим – Транзиенция

Метафизика транзиенции утверждает, что под тонкой коркой миметического мира постоянно кипит гилетический «лес» Хаос-потенциала, и Энергичные Импульсы ведут свой тихий Диа-логос в Циркумтекстах человеческих сердец и социальных систем. Способность к Внутренней Инволюции означает, что любая, самая устойчивая природа, может быть в любой момент взорвана изнутри этим мимикрическим движением.

Фундаментальным режимом бытия является Транзиенция – перманентное состояние перехода, пересборки и самопреодоления. Устойчивость – это иллюзия, порожденная низкой скоростью изменений в некоторых макро-Агрегатах (например, столах и горах) или нашей вовлеченностью в стабильные Стазис-Конstellляции – временные, относительно инерционные скопления Агрегатов-Событий, согласовавших свои режимы транзиенции. «Законы природы» – это не вечные предписания, а описание поведения таких Стазис-Конstellляций в данный космологический период. Они сами могут стать объектом Инволюции, что объясняет возможность научных революций, меняющих саму картину физической реальности. Эта модель снимает проблему соотношения необходимости и свободы: необходимость – это локальный режим Стазис-Конstellляции, тогда как свобода (понимаемая как способность к само-изменению) – это глобальный, фундаментальный закон Транзиенции.

Реальность в своей основе не миметична (не подчинена логике копирования и следования образцу), а мимикрична – она есть бесконечный, творческий и драматический процесс выбора самой себя, где окончательная природа вещи всегда остается вопросом, а не данным ответом. Онтология транзиенции – это онтология незавершенности, в которой бытие постоянно находится в состоянии «подслушивания» своих собственных, еще не оформленных, возможностей.

Обсуждение

Предложенная метафизика транзиенции позволяет по-новому взглянуть на ряд классических философских проблем.

Проблема тождества личности: Личность – это не субстанция, а высокосложный Агрегат-Событие, находящийся в состоянии непрерывной, хотя и растянутой во времени, Внутренней Инволюции. Наша «самость» – это не неизменное ядро, а текущий, постоянно пересматриваемый результат Диа-логос между множественными Энергичными Импульсами,

составляющими нашу психику и тело. Это объясняет и возможность личностного роста, и радикальных внутренних перемен.

Проблема свободы воли: Свобода воли – это не способность нарушать законы природы, а проявление фундаментальной онтологической способности к Инволюции на уровне человеческого Агрегата-События. Мы свободны не вопреки своей природе, а благодаря тому, что наша «природа» сама является продуктом и объектом перманентного само-творения.

Проблема отношения материи и духа: И материя, и дух являются различными режимами сборки Энергийных Импульсов, различными Стазис-Конstellациями. Они не две разные субстанции, а два полюса единого спектра транзиенции, между которыми существует непрерывный поток Инволюций (что находит отклик в спинозистской традиции и в современной философии сознания, ориентированной на панпсихизм).

Наиболее серьезным возражением против нашей модели может быть ее спекулятивный характер и сложность эмпирической верификации. Однако мы утверждаем, что любая фундаментальная метафизика спекулятивна по определению. Ее ценность определяется не фальсифицируемостью в попперовском смысле, а эвристическим потенциалом, способностью предлагать новые перспективы для науки, искусства и самопонимания человека. Модель транзиенции не противоречит научным данным, а предлагает для них более широкий онтологический фон, где случайность, нелинейность и эмерджентность являются не аномалиями, а нормой.

Заключение

Метафизика транзиенции, разработанная через синтез и радикализацию идей Уайтхеда [1], Гуссерля [2], Бубера [3], Бахтина [4], Ланда [5] и Бибикина [6], предлагает онтологическую модель, альтернативную как классическому субстанциализму, так и многим современным формам реляционизма. Смещая фокус с бытия на становление, а с устойчивой природы – на внутреннюю инволюцию, она представляет мир как бесконечный, творческий и имманентный процесс самопреодоления. Введенные концепты – Хаос-потенциал, Энергийный Импульс, Диа-логос, Циркумтекст, Агрегат-Событие и Транзиенция – образуют стройный понятийный аппарат для описания реальности, в которой изменение первично, а стабильность вторична и временна. Эта метафизика открывает путь для философии, которая не описывает неизменный порядок вещей, а мыслит условия возможности их перманентного творческого преобразования.

Литература

1. *Whitehead A. Process and Reality. An Essay in Cosmology.* New York : Cambridge, 1929.
2. *Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.* Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004.
3. *Бубер М. Я и Ты.* Москва : Высшая школа, 1993.

4. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Москва : Советский писатель, 1963.
5. *Ланд Н.* Проклятие солнца // Логос. 2019. Т. 29. № 4. С. 69–80.
6. *Бибихин В.В.* Лес. Санкт-Петербург : Наука, 2011.
7. *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015.
8. *Брасье Р.* Реальность абстракции / научный редактор А. Писарев // Еще один. 2023. № 1. С. 161–197.
9. *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск : И.П. Логвинов, 2018.
10. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; Москва : Астрель, 2010.
11. *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. Москва : Ad Marginem, 1997.
12. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Москва : Академический проект, 2015.
13. *Жируп Р.* Козел отпущения. Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2010.
14. *Ковалевская Т. В.* Мимикрическая поэтика Достоевского. Москва : РГГУ, 2025.
15. *Шелдрейк Р.* Новая наука о жизни. Москва : Рипол Классик, 2005.

THE METAPHYSICS OF TRANSIENCE: TOWARDS AN ONTOLOGY OF INTERNAL INVOLUTION AND MIMICRY CHOICE

Alexander V. Markov¹, Oksana A. Shtayn²

¹*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation*

²*Ural Federal University
19 Mira St, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation*

Abstract. The article proposes a radical revision of the traditional metaphysics of substance, based on the Aristotelian concept of an unchanging nature. The key concepts of “pre-ontological chaos-potential”, “energetic impulse”, “logos-dia”, “circumtext”, “aggregate-event”, and “internal involution” are introduced and substantiated. It is shown that stable ontological orders (“stasis-constellations”) are secondary and derivative of the fundamental dynamics of becoming.

Keywords: process ontology, mimicry poetics, mimetic order, dark metaphysics, energy, aletheia, punctum, nature, becoming, self-change, volitional core